

Op84
Ю31
A-407233

16+

«УХОДЯ, ОСТАВЬТЕ СВЕТО»

ИВАН ЮЛАЕВ
Избранное

Op 84
1031
Op 84

Иван Юлаев
Избранное

84(2=441.2)6-4

Саблин А.

«УХОДЯ, ОСТАВЬТЕ СВЕТ»

[16+]

OL-407233

?

УР

Государственное бюджетное
учреждение культуры
«Оренбургская областная универсальная
научная библиотека им. Н.К. Крупской»

Оренбург
2024

УДК Р2
ББК 84(2=411,2)6-4
Ю 31

Сердечно благодарю известного предпринимателя, мецената, иконописца и художника, президента Фонда регионального развития Михаила Федоровича Коннова за финансирование данного издательского проекта, приуроченного к 75-летию писателя Ивана Михайловича Юлаева.

Большое спасибо за поддержку Александру Ивановичу Зеленцову, Ирине Владимировне Бушухиной, Ольге Васильевне Окуновой, Виктору Геннадьевичу Манахову, Вячеславу Геннадьевичу Моисееву, Николаю Петровичу Алешкову, Инге Александровне Калашниковой, Андрею Петровичу и Галине Викторовне Веприковым.

Татьяна Юлаева,
составитель и редактор

Юлаев, Иван Михайлович

Ю 31 «Уходя, оставьте свет» : Избранное / Составитель Т.Я. Юлаева // Оренбург : М.Ф. Коннов, 2024 — 240 с. : ил.

В книге представлены повести и рассказы И.М. Юлаева, как ранее публиковавшиеся, так и не увидевшие свет при его жизни. Это итог более чем сорокалетней работы писателя-романтика, чьи герои, как и он сам, долго бродят по свету в поисках счастья и любви.

УДК Р2
ББК 84(2=411,2)6-4

ISBN 978-5-9904096-1-3

✓ © Юлаев И. М., текст, фото и иллюстрации, 2024
© Юлаева Т. Я., составитель, 2024
✓ © Окунова О. В., иллюстрации, 2024
✓ © Манахов В. Г., иллюстрации, 2024
© Коннов М. Ф., 2024

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Не могу сказать, что оренбургский прозаик Иван Юлаев при жизни не был известен читателям. Его первая книга «Теплые ветры» была издана в Казанском книжном издательстве в 1989 году по рекомендации Всесоюзного совещания молодых писателей тиражом 30 тысяч экземпляров. Удачным был и его дебют в Оренбуржье — губернаторская премия «Оренбургская лира-1997» (вручалась впервые) за книгу «Ростошь». Моментально разошлись «Сказки и мечты», «Встретимся летом» и «Природой сохраненный храм».

Две последние стоят особняком в творчестве Ивана Юлаева. В них автор выступает не только как литератор, но и как фотохудожник-орнитолог, открывающий нам мир пернатых обитателей нашего края. Эта сторона творчества писателя получила признание не только у широкого круга читателей, но и отмечена премиями Мамина-Сибиряка, Аксакова и Рычкова.

Иван мечтал о романе. И не просто мечтал. Несколько лет он работал над ним. Было уже и рабочее название — «Львы и Девы», и толстые, исписанные мелким почерком (для меня не читаемым), тетради... Нашла я и 21 главу в файлах ноутбука Ивана. Но он настолько щепетильно относился к любой попытке вмешательства в написанный им текст, что я на это не могу решиться и сейчас, когда его рядом нет, и уже не будет. Человек предполагает, а Бог, в которого Иван свято верил, располагает...

Зато, блуждая по папкам покойного мужа в ноутбуке, я обнаружила знакомый сборник детских рассказов. Он так и не был издан, хотя к нему уже были готовы иллюстрации Виктора Манахова (вы их увидите в «Избранном для детей»), а также ранее не публиковавшиеся или публиковавшиеся в периодических изданиях, в том числе литературных журналах Союза российских писателей — «Башня» (Оренбург) и «Аргатак» (Набережные Челны, Татарстан). Так родилась мысль о новой книге Ивана Юлаева «Избранное». Сначала — одной, а в процессе — двух: для взрослых и детей.

И еще... В одной из тетрадей моего мужа, на пустой странице, я нашла такие строки из стихотворения Петра Вегина:

Жаль, что неизбежна смерть,
Но возможна сатисфакция.
Уходя, оставьте свет —
Это больше, чем остаться...

Татьяна Юлаева

ЖИВОЕ СЛОВО ИВАНА МИХАЙЛОВИЧА

Принимаясь читать прозу Ивана Михайловича Юлаева, всякий раз ловлю себя на том, что вновь и вновь удивляюсь блестящему таланту рассказчика — неподдельности, правдивости его живого слова.

Уверен: он брал сюжеты для своих повестей и рассказов из жизни, словно дышал ею. Мы же не задумываемся, как дышим. Вот и Иван Михайлович не задумывался, как писать о жизни, строил свою прозу естественно и просто, а читатели дышали с нею в такт. Конечно, эта обманчивая легкость — результат кропотливого труда писателя и его огромного жизненного опыта.

А опыта Ивану Юлаеву было не занимать: служил срочную в морской авиации, добывал нефть, работал строителем на Колыме и в Набережных Челнах — возводил Камский автозавод и участвовал в сборке первого «КамАЗа»... Чего-то не хватает вроде бы в его биографии — например, «учился в Литературном институте». Нет, не учился. Может, это и хорошо. Не нуждался он в «шлифовке», и с грамотностью все у него было прекрасно.

Тонкий музыкальный слух писателя — мастера высшей пробы — не позволял ему сфальшивить ни единой строчкой. «Институтов не кончал», и слава Богу. Зато у нас в Оренбуржье и в России всей был потрясающе талантливый, искренний и самобытный прозаик. Наш Иван Михайлович. Одно перечисление всероссийских и региональных литературных премий составило бы честь любому писателю любого масштаба.

Иван Юлаев, вне всякого сомнения, был большим прозаиком. Не требовал публичных почестей, не искал премий, но, как любой серьезный писатель, работал, не чая наград.

А великая награда его, прижизненная и посмертная, — признание каждого, кто хоть раз раскрыл хоть одну его книгу, кто прочел хоть один абзац его прекрасной прозы.

Низкий поклон супруге Ивана Михайловича, Татьяне Яковлевне, за то, что нашла силы и возможность издать двухтомник этот. Он не пропадет в череде других книг, но станет вечным памятником живому слову нашего друга и товарища, большого русского писателя Ивана Михайловича Юлаева.

Вячеслав Моисеев,
член Союза российских писателей

Рассказы

КОЛЮЧКИ

I

Прокладывали траншею под телефонный кабель, выворачивали отбойником куски бетона из монолита дороги. От трескотни молотка и шума компрессора вся девятиэтажка позакрывала окна. Лишь одно окно, на первом этаже, было открыто; седовласая, полная женщина — почти уже старушка наблюдала за Прудковым.

«Зюечка, — узнал он. — Раньше серпом траву резала кроликам, с лукошком по селу ходила. Теперь городская стала. Зайти, что ли? Спросить о Наташке с Ксеньей?»

В обеденный перерыв Прудков постучал в дощатую крепкую дверь. Без вопросов Зюечка открыла ему.

— Здравствуйте, — сказал Прудков обыденно. — Вижу, смотрите, а не узнаете, решил зайти.

— Саша, — улыбнулась женщина. — А я думаю, он или нет, вот какие дела. Да вы проходите на кухню, я чай поставлю.

— Я хотел узнать, — остался Прудков в прихожей, — как они все живут? Старики здоровы?

— Да как? Сам-то уж плох, жалуется, одышка у него. Бабка еще бегаёт... Давно я в деревне не была. Это уж кто в город едет, тот ко мне заходит, рассказывает.

— А как Наташка с Ксеньей?

— Наташка в Ижевске квартиру получила. Ксения с ней. Да сейчас, наверно, в деревне на каникулах. Письмо вам у меня оставила. Они с бабушкой проездом останавливались. Вот и оставила. Говорит, может, папу встретите, так отдайте ему. Дите. А, глядь, встретила. Адреса-то вашего никто не знает.

Зюечка прошла в полумрак комнаты, принесла запечатанный конверт Прудкову.

— Спасибо, — поблагодарил он. — Идти нужно. Как-нибудь забегу, у нас тут участок рядом.

— Заходите, — согласилась Зюечка.

II

На следующее утро жена предложила ему:

— Саш, может, за грибами поедём? Грибов, говорят, много.

Прудков сидел на теплой еще кровати, строчки из письма дочери мучили его: «Папочка, миленький, — писала дочь, — уже прошло четыре года, как тебя нет, я жду тебя каждый день, и нет больше сил ждать. Приезжай поскорее, родненький мой!»

— ...Отца я сегодня во сне видел, — сказал Прудков глухо, — ругал он меня. Поеду я в деревню, Ксению проведу.

Жена присела рядом с ним:

— Только не с ночевкой. Я переживать буду.

— Как получится, — не стал он обнадеживать жену. — Дай мне денег, куклу она просит и сережки.

Жена подала ему червонец с пятеркой.

— Хватит? — спросил Саша.

— Куклу по пять рублей возьмешь, так хватит.

В маленьком, тесном автовокзале, потев от духоты и давки, Саша выстоял большую беспокойную очередь, купил билет, собирался уже выходить, как заметил сутулого, с приоткрытым беззубым ртом, морщинистого старика. Старик кого-то искал, шаря глазами по людскому скопищу. «Матвейч», — признал Саша бывшего тестя и остался спокоен, несколько подивившись себе. Окликать его он не стал, просто вышел на воздух следом за ним.

Утро начиналось жаркое, солнечное, с далекой белесой дымкой по горизонту. Саша присел на гнутые трубы ограды, поставив у ног сумку с куклой. Матвейч, выпив квасу без очереди, разминая папиросу в корявых руках, падающей наклонной походкой двигался в его сторону. Прудков окликнул его. Старик, открыв рот еще более, уставился на него, будто боясь ошибиться. Узнал. Непритворная улыбка оживила его лицо, он протянул Саше руку, прикрыв ее другой, и тихонько потряс, продолжая улыбаться. Прудков тоже улыбнулся:

— Как ты здесь?

— Вечером к Зоечке заходил, узнал, что ты к нам собрался. Вот, с утра прямо сюда, — Матвейч, отвернувшись от ветра, закурил и присел на ограду.

— Ксения у вас? — спросил Саша.

— У нас, — с готовностью ответил старик. — Тебя ждет. Извелась сама и нас извела. Убегу, говорит, от вас, если не скажете.

— А где папа, мы и сами не знаем. Женился?

— Женился. Сын у меня.

— Сын уже? — на лице Матвейча отразилось сомнение.

— Я на Севере был, когда он родился.

— А-а, — протянул старик, любопытство его улеглось.

— Наташка как, не вышла замуж?

— Да пока нет, не вышла. Кто ж ее возьмет? Ведь ребенок...

— Я алименты регулярно посылаю. С Севера ей чуть не по тысяче рублей выходило!

— Именно, что ей, — закашлялся Матвейч.

— Ладно, — вздохнул Прудков непроизвольно, — тяжело ей, одной с дочерью. Ну, а Ксения, что, здорова?

— Сейчас ничего, а зимой болела.

— А что такое?

— Простужалась.

— Высокая она?

— Высокая, только худая. Не ест ничего. Ничем не заставишь.

— По дому помогает?

— Хорошо помогает. Другое утро вперед бабки встанет, курам проса даст, корову в табун проводит.

— Она сейчас в третий класс перешла?

— Во второй.

— Почему?

— Говорю — болела. Воспаление легких подхватила и сорок шесть ден в больнице отлежала.

Прудков нахохлился; тяжело, ох, тяжело было на душе.

Объявили посадку, народ хлынул к автобусу.

— У тебя билет? — спросил Саша бывшего тестя.

— Нет, — ответил просто старик. — Я бесплатно.

Прудков вспомнил, что тесть фронтовик.

В автобусе Матвеич устроился на первом сиденье, потеснив двух пожилых женщин в ситцевых платочках. Прудков, ухватившись за поручень, приготовился выстоять утомительную часовую дорогу.

III

От районного центра, куда они приехали, следовало пройти еще семь километров пешком или подождать попутного транспорта.

— Ты иди, — посоветовал Матвеич Прудкову, — а я не могу. Десять метров пройду, в глазах темнеет.

— А может, в магазин зайдем? — поинтересовался Саша.

— Нет, — отказался Матвеич, — видно, выпил свое.

В магазине, продавщица, старая и покрашенная, перебранивалась с местными мужичками, торопящими ее в торговле зельем. Саша купил бутылку вина.

Матвеич сидел у дороги, возле забрызганного грязью забора, курил и хрипло дышал.

— Попутки ждать будешь? — спросил Саша.

— Подожду, — согласился Матвеич. — Хочешь, и ты жди.

— Нет. Пойду.

— Ну, гляди...

За деревянным прочным мостом, под которым медленно струила свои зеленоватые воды Игенья, Прудков, вспомнив и название реки,

и время, когда это название впервые прозвучало для него, повернул налево от солнца, в сторону похожей на луг степи — с высоким татарником, с зелеными прочными кочками, крапивой в глубоких ямах, березняком по холмам.

За молокозаводом, расхристанным кирпичным сараем с запахом простокваши и роем мух, Прудков стал внимательно вглядываться в белесую даль, ища заветный ориентир — высокую маковку старенькой колокольни, которая, царствуя над местностью, возможно, еще будила у местных жителей чувства любви и привязанности к отчему краю.

Колокольня скоро заблестела тусклой медью ребристого купола, замаячила над окрестностью ажурным кованым крестом. Прудков присел в тени березового леса. Солнце, достаточно уже поднявшись, донимало жаром, липкой безветренной духотой. Достав бутылку сухого, он срезал ножичком от брелока капроновую пробку, всмотрелся в белесый мутный осадок на донышке и отпил пару глотков кислой терпкой жидкости. Он подождал, пока вино загло желудок, ударило расслабляющим теплом в голову; затем повлажневшими глазами окинул убегающую вдаль дорогу.

Да, именно по этой дороге десять лет назад шел он с прекрасной юной девушкой, своей невестой, своей Наташкой. Тогда весь мир для них состоял только из их лиц, из их глаз, из их улыбок и их поцелуев. Вон, возле тех нагретых камней у обрыва они лежали, и она кормила его лесной недозрелой вишней, опускала ему на язык ягоду за ягодой. Тогда они были вместе. И никогда больше не будут.

Вспомнил еще Саша, как в первый их приезд, у самой церкви, у ее железной заостренной ограды, услышали они бранные крики. Саша увидел небольшого роста мужчину со спущенными штанами, в порванной рубахе. Тот бегал с кулаками за причитающей испуганной женщиной, страшно сквернословя. Прудков подумал тогда, что вступает в целый незнакомый ему мир. И спросил:

— Кто это кричит?

— Папа загулял, — сказала, не глядя на него, Наташка.

— Папа? — переспросил он.

Наташка отдала ему сумку со снедью и побежала к родителям. После недолгого объяснения мужчина обернулся к нему и расхохотался хрипло, раскинув руки.

— Сашенька, сынок ты мой. Ха-ха-ха!

От этого смеха сжалось у Саши сердце, не такого папу представлял он себе.

Теща так и не пришла ночевать домой. Они с Наташкой укладывались спать в просторном предбаннике-дровянике. Уже засыпая, Саша сказал Наташке:

— У тебя губы в арбузном соку.

— А ты меня любишь такую? — прошептала Наташка.

— Я тебя всякую люблю.

А утром, едва забрезжило, проспавшийся Матвеич тихонько вошел в предбанник, пошарил рукой по низкому потолку и вынул из плотницкой ветхой разноски тяжелый ржавый топор на длинном топорище. Саша, настороженно приоткрыв глаза, следил за тестем, имея в виду, на всякий случай, стоявшую в углу лопату. Матвеич с топором, даже не посмотрев на молодых, ушел в дом. Фантазия подсказала Саше: «Скоро теща придет корову доить, зайдет в дом за подоиником, тесть там ее и встретит».

Наташка спала. Саша, гася в себе неуверенность, выбрался из постели, пошел к сенцам. Дверь была закрыта. Он постучал. Только на третий раз звякнул запор, и Матвеич, поразив Сашу перекошенным злым лицом, пропустил его в дом. В сенцах, возле длинной лавки, стоял топор. Матвеич присел около него, согнулся и, открыв рот, начал заворачивать табак в газету.

— Ты чего, Матвеич? — спросил Саша.

— А? — переспросил тесть, тупо поворачиваясь к нему.

— Ты зачем топор взял?

— Бабу зарублю, — откровенно признался Матвеич. — А ты откуда знаешь меня?

— Знакомились вчера, — сказал Саша и неожиданно икнул, ступни ног начинали у него холодеть. — Забыл?

— Забыл, — Матвеич с треском затянулся и, окутавшись дымом, прошамкал:

— А тебя-то как зовут?

— Александр, — сказал Саша, — жених Наташкин.

— Ревность, Саша, — разбитым голосом говорил Матвеич, — она что в двадцать, что в пятьдесят пять — одинакова.

— Я знаю, — сказал Саша, хотя понятия не имел, какая может быть ревность в таком возрасте. — А мать-то здесь при чем?

— Мать-то?! Я там семь лет! Семь лет! А она здесь с комбайнерами! Поваром, вишь, устроилась на полевой стан. Вот я устрою! Не жить гадюке! Сам в гроб лягу и ее со света сведу.

Саша потихоньку опустился на скамейку, и в голове у него зашумело.

— Нет, — сказал он как бы только себе и поднялся. — Иван Матвеич, так нельзя. Разбирайтесь, но только без топора.

Саша обхватил холодными пальцами топорище и понес топор как бомбу, как задремавшую ядовитую змею.

Матвеич сидел согнувшись на лавке и дымил.

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя	3
Вячеслав Моисеев. Живое слово Ивана Михайловича	4
Рассказы	
Колючки	6
Молитва	21
Кентушки	28
Золотой мангуст	35
Колумб Ташлинского района	41
Сидение Нестора Гурьева в Благодарном	52
Встреча	56
Гришин скворец	59
Гулянка	62
Замирание сердца	72
Федя Небозем	91
Повести	
Колымский покос	102
Ростошь	172

Литературно-художественное издание

Юлаев Иван Михайлович

«Уходя, оставьте свет»

Избранное

Составитель Юлаева Татьяна Яковлевна
Иллюстрации Ольга Окунева, Виктор Монахов
Фото Ивана Юлаева

Верстка Андрей Веприков
Корректор Елена Агеева

Подписано в печать 15.05.2024. Формат 64×100/16. Усл. печ. л. 18.
Заказ № С-042

ИП Артемова Анастасия Викторовна
Отпечатано с готового оригинал-макета заказчика
в типографии «Мастер-Студия».
432071, г. Ульяновск, ул. Урицкого, д. 94, офис 7
тел. (8422) 44-55-33

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного произведения невозможно в связи с ограничениями по IV части ГК РФ.

Эту книгу Вы можете почитать, обратившись в отдел краеведения Оренбургской областной универсальной научной библиотеки им. Н. К. Крупской по адресу: г. Оренбург, ул. Советская, 20.

Издание осуществлено
к 75-летию
члена Союза российских
писателей, прозаика
Ивана Михайловича Юлаева
при финансовой поддержке
фонда «Регионразвитие»
и его президента
Михаила Федоровича Коннова

Иван Михайлович Юлаев родился 23 августа 1949 года в селе Благодарное Ташлинского района Оренбургской области в большой учительской семье. Среднее образование завершал в вечерней школе в Стерлитамаке. Служил в морской авиации на Балтике. Работал на заводах и стройках, собирал автомобили на главном конвейере КамАЗа, добывал нефть в Сибири, косил сено у Охотского моря... И все время писал. Первый свой рассказ «Гришин скворец» Иван увидел напечатанным в газете «Рабочий КамАЗа», а первую книгу «Теплые ветры», изданной в Казанском книжном издательстве, — в 1988 году.

В 1991 году Иван Юлаев переехал с семьей из Набережных Челнов в Оренбург. Здесь он был принят в члены Союза российских писателей и даже возглавлял одно время его оренбургское отделение. Здесь вышли его книги «Ростошь», «Сказки и мечты», «Встретимся летом», «Природой сотворенный храм». Писатель — обладатель областных литературных премий — «Оренбургская лира», имени С. Т. Аксакова, П. И. Рычкова, Всероссийской — Д. Н. Мамина-Сибиряка.

В 2020 году 6 сентября И. М. Юлаева не стало.

ISBN 978-5-9904096-1-3

